

Джеймс
БАЛЛАРД
James
Ballard

ХРУСТАЛЬНЫЙ
МИР

Джеймс Грэм Баллард Садок для рептилий

Scan by Mobb Deep; OCR by Ustas; Readcheck by Loshadka

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153584

Баллард, Джеймс Хрустальный мир: Роман. Рассказы / Пер. с англ.;

Послесловие В. Лапицкого: Симпозиум; СПб; 2000

ISBN 5-89091-144-9

Джеймс Баллард

Садок для рептилий

– Они напоминают мне стадо кочующих кабанов, – заметила Милдред Пэлхем.

Оторвавшись от изучения заполненного людьми пляжа, расположенного чуть ниже террасы, где находилось кафе, Роджер Пэлхем взглянул на жену и спросил:

– Что ты такое говоришь?

Милдред еще некоторое время читала, потом опустила книгу и задала риторический вопрос:

– А что, разве нет? Они похожи на свиней.

Пэлхем неохотно улыбнулся этой умеренной, но уже привычной демонстрации мизантропии. Он бросил взгляд на свои белые ноги, торчащие из шорт, а потом на пухлые руки и плечи жены.

– Наверное, мы все похожи на свиней, – подвел он итог.

Однако Пэлхем не сомневался, что замечание его жены было услышано и с возмущением отвергнуто окружающими. Они сидели за угловым столиком, спиной к сотням жмущихся друг к другу любителей мороженого и кока-колы, расположившихся на террасе. Глухой гул голосов перекрывала ни на минуту не смолкающая болтовня транзисторных радиоприемников, расставленных тут и там среди бутылок, а также привычный шум города, раскинувшегося за дюнами.

Практически сразу под террасой начинался пляж – отдыхающие заполнили своими телами пространство от самой кромки воды до дороги, проходящей за кафе, и дальше к дюнам. Даже если очень постараться, рассмотреть хотя бы крошечный свободный островок песка не представлялось возможным. У линии прилива, там, где волны лениво облизывали всякий мусор вроде старых пачек от сигарет и прочую ерунду, кучка малышей цеплялась за подол берега, прикрывая его собой.

Бросив еще один взгляд на пляж, Пэлхем подумал, что суровый приговор, вынесенный женой – чистая правда. Повсюду в глаза бросались голые конечности и плечи, сплетенные в змеиные кольца ноги и руки. Несмотря на яркое солнце и время, проведенное на пляже, большинство загорающих оставались белокожими или в лучшем случае отчаянно напоминали куски вареного мяса, при этом они копошились в своих ямках, безрезультатно пытаясь устроиться поудобнее.

Изучая пляж, протянувшийся почти до самой оконечности мыса, Пэлхем представил себе, как в воздухе над ним повис ореол разложения, пронизанный жужжанием полчищ жирных мух – или десяти тысяч радиоприемников? Зрелище шевелящейся, обнаженной плоти, испускающей тошнотворный аромат старого лосьона для загара и пота, в любой другой момент заставило бы Пэлхема, не теряя ни минуты, забраться в свой автомобиль и мчаться прочь от этого кошмара на скорости семьдесят миль в час – все равно, по ка-

кому шоссе. Однако по совершенно необъяснимой причине неприязнь, которую он обычно испытывал к большим скоплениям народа, куда-то исчезла. Неожиданно он почувствовал удививший его самого восторг оттого, что вокруг него люди (Пэлхем подсчитал, что на отрезке пляжа примерно в пять миль расположилось около пяти тысяч человек). Он вдруг понял, что не сможет заставить себя покинуть террасу, хотя пробило уже три часа, а ни он, ни Милдред ничего не ели с самого утра. Пэлхем не сомневался, что как только они освободят свое местечко в углу, его непременно кто-нибудь займет.

Про себя он подумал: «Любители мороженого на пляже Эхо». Немного повертел в руках пустой стакан, стоящий на столе. Кусочки искусственной апельсиновой мякоти прилипли к стенкам, возле которых лениво жужжала муха. Спокойное море напоминало тусклый серый диск, но примерно в миле от берега над водой повисла дымка, словно пар над ванной.

– Мне кажется, тебе жарко, Роджер. Сходи искупайся!

– Может, и схожу. Странная вещь: столько людей, а никто не купается.

Милдред кивнула со скучающим видом. Крупная, спокойная, скорее пассивная женщина, Милдред Пэлхем производила впечатление человека, который вполне доволен тем, что может сидеть на солнце и читать книгу. Однако именно она предложила отправиться на побережье и проявила редкую

для себя выдержку, когда они попали в ужасающую пробку, были вынуждены оставить машину и остаток пути (целых две мили) проделать пешком. Пэлхем подумал, что вот уже десять лет не видел, чтобы она так много ходила.

– И правда странно, – согласилась с ним Милдред. – Но сегодня не так чтобы очень жарко.

– Ну, ты совершенно не права.

Пэлхем собрался еще что-то сказать, но неожиданно вскочил на ноги и, перевесившись через перила, начал всматриваться в толпу. Чуть дальше, вниз по склону, параллельно набережной, двигался непрерывный поток людей, которые расталкивали друг друга, спеша поскорее добраться до пляжа с бутылками колы, лосьоном для загара или мороженым.

– Роджер, что случилось?

– Ничего... мне показалось, я увидел Шеррингтона. – Пэлхем еще раз с сомнением оглядел берег.

– Вечно тебе мерещится Шеррингтон – только за сегодня это уже четвертый раз. Прошу тебя, успокойся.

– А я и так совершенно спокоен. Я не уверен, но у меня возникло ощущение, будто я его увидел.

Пэлхем неохотно опустил на свой стул, чуть придвинув его к перилам. Несмотря на скучающее, бездумное и какое-то летаргическое состояние, весь день его мучило необъяснимое, но вполне отчетливое беспокойство. Оно становилось все сильнее и имело какое-то непонятное отношение к присутствию Шеррингтона на пляже. Шансы, что Шерринг-

тон – с которым Пэлхем вместе работал на факультете физиологии в Университете – выберет именно этот пляж, были ничтожно малы, и Пэлхем не знал, откуда у него взялась такая непоколебимая уверенность в том, что Шеррингтон должен здесь находиться. Возможно, обманчивые видения – в особенности если вспомнить, что Шеррингтон обладал черной бородой и худым суровым лицом, да и ходил чуть сутулясь, – являлись отражением внутреннего напряжения Пэлхема и его необычной зависимости от Шеррингтона.

Впрочем, несмотря на то, что Милдред не демонстрировала никаких признаков беспокойства, обитатели пляжа, казалось, разделяли состояние Пэлхема. Время шло, и постепенно равномерный гул голосов уступил место разговорам, которые неожиданно возникали и так же неожиданно обрывались на полуслове. Время от времени наступала тревожная тишина, когда все замолкали и становились толпой взволнованных зрителей, которые слишком долго ждут начала зрелища и с трудом сдерживают нетерпение. Пэлхему, рассматривавшему публику на пляже со своего наблюдательного поста, показалось, что всплески тревожной активности, когда люди, превратившись в одну огромную волну, накатывали на берег, устремляясь вперед, связаны с металлическим блеском тысяч портативных приемников, испускающих свои волны. Каждое такое спазматическое движение приближало толпу, пусть и совсем чуть-чуть, к линии прилива.

Прямо под бетонным краем террасы в самой гуще полу-

обнаженных тел какое-то семейство свило свое собственное уютное гнездышко. Неподалеку от них, так, что Пэлхем мог дотянуться рукой, резвились дети – их угловатые тела в мокрых купальниках переплелись между собой, точно диковинное змеевидное существо. Несмотря на немолчный гомон голосов на берегу и шум машин, мчащихся мимо по шоссе, Пэлхем отчетливо слышал их пустую болтовню и комментарии по поводу радиопередач, когда они бессмысленно переключали каналы.

– Скоро запустят еще один спутник, – сообщил он Милдред. – «Эхо двадцать два».

– Зачем? – Пустые голубые глаза Милдред равнодушно разглядывали далекую дымку над водой. – Мне казалось, что их уже и так достаточно болтается в воздухе.

– Ну...

Несколько секунд Пэлхем колебался, не зная, стоит ли воспользоваться ответом жены, чтобы продолжить разговор. Хотя она была замужем за преподавателем отделения физиологии, Милдред совершенно не интересовалась вопросами науки, ограничиваясь безоговорочным презрением к данной сфере деятельности. Пост, который занимал ее муж в Университете, она рассматривала с болезненной терпимостью, ненавидела его грязный кабинет, нечесаных студентов и бессмысленное лабораторное оборудование. Пэлхему так и не удалось выяснить, к какой профессии его жена относилась бы с уважением. До замужества, как впоследствии по-

нял Пэлхем, она хранила вежливое молчание, когда речь заходила о его работе; за одиннадцать лет совместной жизни Милдред не изменила своих взглядов, несмотря на то, что необходимость сводить концы с концами при его жалком жалованье заставила ее заинтересоваться тонкостями сложных и разнообразных игр, ведущих к продвижению вверх по служебной лестнице.

Разумеется, из-за ее острого языка им не удалось завести большого количества друзей, но Пэлхем обнаружил, что лично он выиграл от того, что окружающие относились к Милдред с невольным уважением. Иногда ее ядовитые замечания на официальных приемах, сделанные громким голосом, да еще во время неожиданно возникшей паузы в разговоре (например, она назвала престарелого декана факультета физиологии «этот древний чудак»), восхищали Пэлхема своей колкой точностью. Однако в ее безжалостном отсутствии симпатии в адрес остального человечества было что-то пугающее. Ее широкое лицо со строгой линией розовых губ почему-то вызывало у Пэлхема ассоциацию с Моной Лизой, которая только что закусила собственным мужем.

– Шеррингтон вывел довольно неожиданную теорию по поводу спутников, – сказал ей Пэлхем. – Я надеялся, что мы его встретим и он еще раз поделится со мной своими идеями. Мне кажется, тебе было бы интересно послушать, Милдред. Сейчас он работает над ПМС...

– Над чем?

Группа людей, расположившихся у них за спиной, включила погромче свои приемники, и все пространство вокруг наполнил комментарий с мыса Кеннеди, посвященный последним минутам перед стартом спутника.

– ПМС – это природные механизмы сброса, – пояснил Пэлхем. – Я уже тебе о них рассказывал. Наследственные рефлексы...

Он замолчал, с нетерпением глядя на жену.

Милдред, которая разглядывала людей на пляже, повернула к нему холодное, ничего не выражающее лицо.

– Милдред, я пытаюсь объяснить тебе, в чем заключается теория Шеррингтона касательно спутников! – сердито рявкнул он.

Милдред совершенно спокойно покачала головой и заявила:

– Роджер, здесь слишком шумно, я не в состоянии тебя слушать. А уж вникать в теории Шеррингтона и подавно.

На пляже возникла новая, едва различимая волна активности. Возможно, в ответ на взволнованный отчет последних секунд перед стартом с мыса Кеннеди, несущийся из всех приемников, люди садились, начинали счищать песок со своих тел, со спин соседей. Пэлхем был не в силах оторвать взгляда от солнечных зайчиков, мечущихся по поверхности хромированных радиоприемников и отражающихся от очков, когда практически весь пляж пришел в движение, зашевелился, заволновался. Неожиданно стало так ти-

хо, что Пэлхем услышал звуки музыки, которые доносились из парка аттракционов. Пэлхему, смотревшему на берег через полуприкрытые от солнца глаза, пляж показался огромной ямой с копошащимися белыми змеями.

Где-то вскрикнула женщина. Пэлхем быстро выпрямился, а потом наклонился вперед, вглядываясь в ряды лиц, замаскированных солнечными очками. Воздух звенел, точно натянутая струна, был пронизан неприятным, зловещим ожиданием насилия, прячущегося до поры до времени под прикрытием покоя и порядка.

Впрочем, люди постепенно успокоились, расслабились, заняли свои прежние места на песке. Вода снова лениво омывала ноги тех, кто растянулся у самой ее кромки. Неожиданно с моря налетел легкий ветерок, промчался над пляжем, принес с собой сладковатый запах пота и лосьона для загара. Пэлхем почувствовал приступ тошноты и отвернулся. Вне всякого сомнения, подумал он, большие скопления *homo sapiens* выглядят гораздо менее привлекательно, чем стаи любых других живых существ. Если посмотреть на стадо лошадей или бычков в загоне, возникает ощущение могучей, нервной грации, а масса болтающей чепуху белой плоти, лежащей на пляже, производит впечатление болезненного анатомического кошмара безумного сюрреалиста. Зачем они здесь собрались? Прогноз погоды сегодня утром звучал не особенно благоприятно. В основном репортажи были посвящены приближающемуся запуску спутника, последней

ступени мировой коммуникационной сети, которая теперь обеспечит всю поверхность земного шара прямым визуальным контактом с одним из десятков спутников, находящихся на орбите. По-видимому, тот факт, что непроницаемое воздушное покрывало окончательно и бесповоротно окутает Землю, заставил людей в качестве последнего жеста капитуляции броситься на ближайший пляж и выставить себя на показ всему миру.

Пэлхем поерзал, неожиданно почувствовав, как больно врезается металлический край стола в локти. Сиденье дешевого стула, сколоченного из узких реек, было отвратительно неудобным и скорее напоминало уродливое орудие пыток. И снова его посетило неожиданное предчувствие ужасного акта насилия, и он посмотрел в небо, почти не сомневаясь, что увидит, как из дымки появляется самолет и падает на пляж.

– Удивительно, как все полюбили загорать, – сказал он Милдред. – В Австралии перед Второй мировой войной это стало серьезной проблемой.

Милдред оторвалась от книги:

– Наверное, им больше нечего было делать.

– Вот именно. Когда люди готовы проводить все свое время, растянувшись на пляже, нет никакой надежды, что они смогут придумать для себя какое-нибудь достойное занятие. По-моему, валяться на солнце... абсолютно асоциальное времяпрепровождение – ведь оно пассивно. – Пэлхем заговорил тише, когда заметил, что окружающие начали оглядываться,

бросать на него заинтересованные взгляды через плечо, прислушиваться к четкой профессиональной речи. – С другой стороны, это объединяет людей. В голом виде – или почти голом – продавщица из магазина и графиня ничем друг от друга не отличаются.

– Так ли уж не отличаются?

– Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду, – пожал плечами Пэлхем. – Однако я считаю, что психологическая роль пляжа чрезвычайно интересна. Линия прилива становится особенно важной областью, зоной, которая одновременно является морем и пространством над ним, погрузившись навсегда, но не до конца в огромную утробу времени. Если принять море за образ подсознания, в таком случае стремление людей на пляж можно рассматривать как попытку сбежать от своей экзистенциальной роли в привычной жизни и вернуться в универсальное время-море...

– Роджер, прошу тебя! – Милдред сердито отвернулась. – Ты рассуждаешь совсем как Чарлз Шеррингтон.

Пэлхем снова посмотрел на море. Внизу, под террасой, радиокomentатор сообщил местонахождение, скорость и маршрут успешно стартовавшего спутника. Пэлхем от нечего делать сосчитал, что ему понадобится примерно пятнадцать минут, чтобы добраться до этого пляжа, иными словами, спутник пролетит над ними в половине четвертого. Разумеется, разглядеть его с берега будет невозможно, хотя в последней работе Шеррингтона, посвященной восприятию ин-

фракрасного излучения, утверждается, что часть таких лучей, отраженных от солнца, может быть подсознательно воспринята сетчаткой глаза.

Раздумывая над тем, какие возможности в связи с этим получают коммерческие или политические демагоги, Пэлхем решить послушать приемник, стоящий на песке под террасой, когда его выключила чья-то белая рука. Хозяйка руки – белокожая пухленькая девушка с лицом безмятежной мадонны и розовыми щечками, окутанными облаком черных кудряшек, перевернулась на спину, отодвинулась от своих спутников, и одно короткое мгновение они с Пэлхемом смотрели друг на друга. Он решил, что она специально выключила приемник, когда заметила, что он прислушивается к комментарию, но потом сообразил, что на самом деле девушку заинтересовали его рассуждения и она надеялась на продолжение монолога.

Польщенный вниманием, Пэлхем посмотрел на круглое серьезное личико девушки, зрелое и в то же самое время детское тело, обнаженное, совсем рядом, словно они лежат в одной постели. На ее открытом, молодом лице неожиданно появилось новое доброжелательное выражение, и Пэлхем отвернулся, не желая принять его значение и осознав с болезненной ясностью, насколько прочно он связан с Милдред. В эту минуту он понял, что для него навсегда закрыты все возможности новых волнующих впечатлений. Десять лет ежедневных осторожных компромиссов, на которые он

шел, чтобы сделать свою жизнь терпимой, в конце концов притупили его способность к восприятию, а то, что осталось от его личности, и нереализованные возможности превратились в нечто, похожее на заспиртованного в банке жука. Раньше Пэлхем презирал бы себя за то, что так легко сдался, но он уже переступил черту самооценки, поскольку так и не сумел отыскать достаточно надежных критериев и теперь находился в состоянии более жалком и презренном, чем вульгарное, тупое стадо на пляже.

– Там что-то в воде, – Милдред показывала рукой на берег. – Вон, смотри.

Пэлхем проследил за направлением ее руки. Примерно в двухстах ярдах от них на самой границе воды собралась небольшая группа людей, волны лениво разбивались о ноги зевак, наблюдавших за чем-то на отмели. Большинство мужчин прикрывали газетами головы, а женщины, те, что постарше, приподняли юбки, чтобы не замочить.

– Ничего не вижу. – Пэлхем потер подбородок, заметив бородатого мужчину на набережной наверху. Незнакомец был ужасно похож на Шеррингтона. – Но, кажется, ничего опасного. Наверное, на берег выбросило какую-нибудь диковинную рыбку.

На террасе и дальше на пляже все ждали, что вот-вот произойдет нечто необычное, сидели или стояли, вытянув вперед головы и вглядываясь в линию прибоя. Радиоприемники смолкли одновременно, их владельцы напряженно вслу-

шивались, пытаюсь понять, что случилось на берегу. Повисла такая гнетущая тишина, будто набежала черная туча и скрыла солнце. Отсутствие каких бы то ни было звуков и неподвижность обитателей пляжа и террасы после бесконечных часов мучительной, бессмысленной суетливой активности производило странное и неестественно жуткое впечатление, словно тысячи людей вдруг неожиданно ушли в себя и перестали замечать окружающих.

Группка зевак у кромки воды замерла на месте, даже маленькие дети не шевелились, упорно разглядывая то, что привлекло внимание их родителей. Впервые за все время стала видна узкая полоска пляжа, засыпанные песком приемники и разные пляжные принадлежности – издали все это походило на груды мусора, отливающего металлическим блеском. Постепенно освободившиеся места заняли вновь прибывшие с набережной, однако их маневры остались без внимания со стороны тех, кто не сводил глаз с воды. Пэлхему они представлялись компанией кающихся пилигримов, пришедших издали, чтобы постоять у священного источника в ожидании чуда, которое возродит их к жизни.

– Что все-таки происходит? – спросил Пэлхем, когда прошло несколько минут, а группа у воды так и не сдвинулась с места. Он заметил, что они вытянулись в прямую линию вдоль берега. – Они ни на что не смотрят.

С моря на берег начала наползать дымка, которая уже скрывала огромные глубоководные валы. Мутная вода напо-

минала теплое масло, время от времени маленькие волны набегали на берег, превращаясь в жирные пузыри, которые лениво уходили в песок, перетаскивая с места на место мусор и пустые пачки от сигарет. Больше всего на свете море сейчас походило на огромное чудовище, поднявшееся с глубин и безуспешно пытающееся выползти на песок.

– Милдред, я схожу на минутку к воде. – Пэлхем встал. – Там творится что-то необычное... – Он вдруг замолчал и показал на берег по другую сторону от террасы. – Смотри! Еще одна группа. Какого черта?..

На глазах у остальных обитателей пляжа еще одна группа зевак выстроилась у кромки воды примерно в семидесяти пяти ярдах от террасы. Около двухсот человек безмолвно стояли на берегу, не сводя глаз с водной глади перед собой. Пэлхем вцепился обеими руками в перила, пытаясь справиться с непреодолимым желанием к ним присоединиться. Его сдерживала только толпа людей на пляже.

На сей раз сторонние наблюдатели довольно быстро потеряли интерес к происходящему, и на заднем плане снова возник гул голосов.

– Одному Богу известно, что они там делают, – заявила Милдред и повернулась спиной к морю. – Смотри, вон еще компания. Похоже, они чего-то ждут.

Она оказалась права, около дюжины таких же групп выстроилось с интервалом в сто ярдов у кромки воды. Пэлхем начал всматриваться вдаль, пытаясь разглядеть что-нибудь

похожее на моторную лодку или катер, затем перевел глаза на часы. Почти половина четвертого.

– Они не могут ничего ждать, – заявил он, изо всех сил стараясь успокоиться. Однако его ноги выбивали на цементном полу под столом нервную чечетку. – Если они рассчитывают увидеть спутник, у них ничего не выйдет. Это невозможно. Наверняка там что-то в воде... – Заговорив о спутнике, он снова вспомнил Шеррингтона. – Милдред, ты не чувствуешь...

Он не успел договорить, потому что мужчина, сидевший позади них, так резко вскочил на ноги, что острый угол его стула врезался Пэлхему в спину. На одно короткое мгновение, когда он помогал мужчине удержать равновесие, Пэлхема окутал резкий запах пота и прокисшего пива. Он заглянул в остекленные глаза незнакомца, увидел открытый рот и подбородок, уставившийся, точно дуло пистолета, в сторону моря.

– Спутник!

Стряхнув незнакомца, Пэлхем поднял голову. В бледно-голубом равнодушном небе не было ничего – даже самолетов и птиц, хотя они с Милдред видели сегодня утром чаетек, когда ехали на пляж. Казалось, они почувствовали приближение шторма и спрятались. Яркий солнечный свет ударил в глаза, и по небу в эпилептическом припадке заматались разноцветные круги и точки. Одна из них возникла на западном горизонте и начала медленно и неуклонно прибли-

жаться, занимая свое законное место в поле зрения Пэлхема.

Люди вокруг поспешно вставали со своих мест, с грохотом отодвигая стулья. С какого-то стола на цементный пол скатились бутылки, во все стороны полетели осколки.

– Милдред!

Внизу возникло суетливое, беспорядочное движение – люди медленно поднимались на ноги. Размытое бормотание пляжа сменил другой, более резкий и напряженный звук, который эхом отзывался со всех сторон залива. Казалось, весь пляж шевелится, извивается, корчится, а неподвижными остаются лишь те, кто стоит у кромки воды. Они образовали вдоль берега бесконечный забор, отгородивший море от пляжа. В их ряды вливались все новые и новые люди, выстраиваясь в шеренгу друг за другом, иногда по десять и больше человек.

И вот уже все, кто находился на террасе, стоят и смотрят на море. А тех, кто оказался в первых рядах, теснят, толкают вперед вновь прибывшие, гулявшие по набережной. Семья, сидевшая под террасой, тоже покинула свое место и приблизилась на двадцать ярдов к воде.

– Милдред, ты не видишь Шеррингтона? – Взглянув на часы и убедившись, что стрелки показывают ровно три тридцать, Пэлхем схватил жену за плечо, стараясь привлечь ее внимание. Милдред посмотрела на него пустыми, остекленевшими глазами, она явно не понимала, что он от нее хочет. – Милдред! Нам нужно поскорее отсюда уйти! – Неожиданно

данно охрипнув, он крикнул: – Шеррингтон убежден, что мы в состоянии воспринимать инфракрасное излучение, испускаемое спутниками, оно может отключить защитные механизмы, возникшие миллионы лет назад, когда другие космические спутники облетали Землю. Милдред...

Но они оказались беспомощными перед натиском толпы, им пришлось встать со своих стульев, а в следующее мгновение их прижали к перилам. По пляжу двигался поток людей, и вскоре весь склон протяженностью в пять миль был заполнен стоящими телами. Никто не произносил ни звука, и на всех лицах застыло одинаковое выражение самосозерцания и погруженности в собственные мысли – такое нередко видишь на лицах зрителей, покидающих стадион после матча. Парк с аттракционами, расположенный всего в ста ярдах от пляжа, опустел, карусели продолжали вращаться, но лодочки остались без пассажиров.

Пэлхем быстро помог Милдред перелезть через перила, прыгнул на песок, надеясь, что им удастся добраться до набережной. Но когда они завернули за угол, толпа, надвигающаяся на пляж, стиснула, поглотила и потащила их за собой, и они подчинились, время от времени спотыкаясь о брошенные на песке приемники.

Все еще оставаясь рядом, они наконец почувствовали себя немного увереннее, когда толпа у них за спиной стала не такой плотной.

– ...Шеррингтон считает, что люди из кроманьонской эры

сошли с ума от ужаса, совсем как стадо тупых, неуправляемых свиней. Большая часть костеносных слоев находится под берегами озер. Наверное, инстинкт слишком силен... – Он замолчал.

Шум неожиданно стих, и огромная паства безмолвно замерла на месте, не сводя глаз с моря. Везде, куда ни бросишь взгляд, стояли люди. Пэлхем повернулся к морю, где туманная дымка, приблизившаяся к пляжу уже на пятьдесят ярдов, терпеливо и неустанно наступала на берег. Первый ряд, чуть опустив голову, бесстрастно наблюдал за распухающими волнами. Поверхность воды испускала ослепительное мерцающее сияние, призрачное и одновременно наполненное своей особой жизнью, а воздух над головами, серый в сравнении с этим ярким светом, превращал застывших в неподвижности людей в бесконечные ряды зловещих статуй.

Чуть впереди Пэлхема, примерно в двадцати ярдах, в первом ряду стоял высокий человек со спокойным задумчивым выражением лица. Борода и высокие скулы не оставляли сомнений в том, кто это такой.

– Шеррингтон! – крикнул Пэлхем и невольно посмотрел на небо, но тут же почувствовал, как ослепительная крупинка света обожгла глаза.

Где-то далеко у него за спиной продолжала играть музыка в парке, где по-прежнему кружила карусель.

И вдруг толпа вздрогнула, ожила, и все, кто находился на пляже, пошли вперед, к воде.